

FOREIGN POLICY ORIENTATIONS OF THE POPULATION OF THE WESTERN KAZAKHSTAN BORDER TERRITORIES IN THE CONTEXT OF THE CASPIAN REGION SECURITY

Alexandr V. Grigorev

PhD of Sociology, senior lecturer of the chair of sociology

Astrakhan Tatishchev State University

Astrakhan, Russia

E-mail: proeu@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8228-7062>

ABSTRACT

The article concerns the study of foreign policy orientations of the border areas of the Western Kazakhstan population. For this purpose, the method of focused group interview was implied. The informants in the study were students of Astrakhan State University, who are citizens of the Republic of Kazakhstan and live in the territories of the border regions of Western Kazakhstan: Atyrau and Mangistau. The results of the study allowed the author to come to an optimistic conclusion about the preservation of the positive characteristics of the object under study: there were no negative components in relation to Russia in the foreign policy orientations of the study participants. Informants continue to perceive the Russian Federation as a partner country, primarily in the economic sphere. At the same time, the interviews made it possible to identify several risky moments in the studied foreign policy orientations, such as the deterioration of the foreign policy image of the Russian Federation in Kazakhstan and the potential for the growth of Turkish influence on the components of the social identity of the population of Western Kazakhstan.

KEYWORDS

social identity, Caspian region, Western Kazakhstan, foreign policy orientations, security of the Caspian Sea region, social identity of the population of Western Kazakhstan.

ACKNOWLEDGMENT

The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00301 «The process of constructing new identities in the Caspian macroregion in the context of societal security».

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИКАСПИЯ

Григорьев Александр Владимирович

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Астрахань, Россия

Е-mail: proeu@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8228-7062>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию внешнеполитических ориентаций населения приграничных территорий Западного Казахстана. С этой целью был использован метод фокусированного группового интервью. Информантами в исследовании выступили студенты Астраханского государственного университета, являющиеся гражданами Республики Казахстан и проживающие на территориях приграничных областей Западного Казахстана: Атырауской и Мангистауской. В целом результаты исследования позволили автору прийти к оптимистичному выводу о сохранении большинства позитивных характеристик исследуемого объекта: во внешнеполитических ориентациях участников исследования не было зафиксировано негативных по отношению к России составляющих. Информанты продолжают воспринимать РФ как страну-партнера, с которой налажено активное взаимодействие, прежде всего в сфере экономики. В то же время интервью позволили выявить несколько рискогенных моментов в исследованных внешнеполитических ориентациях, таких как ухудшение внешнеполитического имиджа РФ в Казахстане и потенциал для роста турецкого влияния на компоненты социальной идентичности населения Западного Казахстана.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социальная идентичность, Прикаспийский регион, Западный Казахстан, внешнеполитические ориентации, безопасность Прикаспия, социальная идентичность населения Западного Казахстана.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблемы социальной идентичности в современном мире часто бывают тесно связаны с вопросами региональной безопасности, в том числе и Каспийского макрорегиона, находящегося в условиях переходной, подвижной, не до конца устоявшейся социальной идентичности его жителей. Данный процесс находится под влиянием внешних акторов (например, коллективного Запада, Турции и др), которые стремятся сформировать выгодные им характеристики социальной идентичности населения Прикаспия. В этой связи потенциально опасными для национальных интересов России является как инкорпорация западных ценностных ориентиров в социальную идентичность жителей каспийских государств, так и, например широкое распространение пантюркистской идеологии со стороны Турции, которая может сместить интеграционный потенциал сохраняющихся общих для населения стран Прикаспия ориентиров. Все вышесказанное обуславливает необходимость периодического мониторинга основных составляющих социальной идентичности на территории Каспийского макрорегиона. Настоящая статья будет посвящена исследованию одного из аспекта проблемы – исследованию социальной идентичности населения приграничных областей Западного Казахстана.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В научной литературе вместе с понятием «идентичность» так же часто употребляются и другие термины: «идентифицирование», «идентификация», «самоидентификация». Так, при определении понятия «идентификация» и «идентичность» российский социолог В.А. Ядов, отмечал, что если идентичность — это определенное состояние, то идентификация предполагает под собой процесс, который приводит к данному состоянию (Русских, 2013).

В социологической науке начало изучения феномена социальной идентичности связано с представителями структурно-функционального направления. В своих трудах Э. Дюркгейм пользуется понятием «солидарность» как определение принадлежности индивида к различным общностям (Дюркгейм, 1996). В каждом определенном моменте человек и коллектив представляют собой общество, которое объединено между собой конкретными связями, обеспечивающими социальную сплоченность. При этом ученый разделяет сплоченность на два вида - органическую и механическую солидарность. Механическая солидарность способна на полное растворение целого ряда индивидуальных сознаний в коллективном. Органическая же основана на самостоятельности индивида, функциональном разделении между ними, функциональной взаимопомощи и связи, в ходе которой коллективное сознание не пропадает полностью, а становится более узким и не выходит за рамки определенного круга общности. Происхождение органического вида берет свое начало с развитием разделения труда. Дюркгейм считал, что в ходе исторического развития органическая солидарность сменяет механическую, что обуславливает большую

взаимозависимость между индивидами, что может создавать определенные базисы для развития социальной идентичности.

В контексте символического интеракционизма понятие социальной реальности воспринимается через понимания ее другими людьми. В научных трудах Ч. Кули и Дж. Мида основным вопросом выступает проблема соотношения общественного «те» и индивидуального «I». Когда человек вступает в связь с социальной средой, то она принимается им как часть общего обобщенного другого для каждого определенного индивида конкретного социальной группы или сообщества. Тем самым индивид, определяя отношение к себе, осознает себя как личность и понимает свою уникальность. В данной ситуации, идентичности развивается не только на организацию социальных взаимодействиях, а осуществляется через понимание «обобщенного другого» и реакции на него (Кули, 2000; Мид, 1994).

В рамках феноменологической социологии Т. Лукман и П. Бергер рассуждают о том, что постоянные взаимоотношения людей происходят посредством схем типизации, анонимность которых возрастает по мере отдаления от непосредственного общения. Отсюда следует, что индивид воспринимает окружающих как определённый тип, с которым он взаимодействует в определённых обстоятельствах. При таких обстоятельствах социальная структура проявляется как сумма типизаций. Формирование идентичности происходит из социальных процессов, которые обуславливаются социальной структурой. С одной стороны, социальные отношения поддерживают и изменяют идентичность, а, с другой социальные структуры сами подвержены влиянию с её стороны (Бергер, Лукман, 1995).

В теориях Дж. Тёрнера и Г. Тэджфела рассматривается идея, в которой идентичность формируется в результате межгрупповых взаимоотношений (Turner, 1985). Тэджфел представляет идентичность как часть самооценки человека, которая проистекает из его знаний о нескольких группах или социальной группе в совокупности со значением и эмоциональной оценкой этой принадлежности. Это обусловлено потребностью сохранения или достижения сохранения позитивной коллективной самобытности, которая необходима для сохранения, защиты, достижения или укрепления позитивной идентичности членов общности (Tajfel, 1972).

Эрик Хомбургер Эриксон определял идентичность как процесс, сконцентрированный в самой сущности индивида и культуре, к которой он принадлежит. Это модель соответствия культуры и человека. По мнению Эриксона, социальная идентичность представляет собой наличие соединения внутреннего понимания самодостаточности, непрерывности своего существования в пространстве и во времени и вместе с этим осознание основательной схожести некоторых основных свойств человека с другими людьми, а также самого восприятие факта, что другие индивиды также осознают свою непрерывность и идентичность. Данное явление проявляется в трех аспектах: неосознанное стремление к непрерывности опыта, признания чувства собственной индивидуальной самобытности и солидарность с идеями общности (Эриксон, 2006).

В своих трудах Р.Б. Сапожникова классифицирует два определения идентичности, данные Эриксоном:

1) идентичность — это субъективное восприятие тождества и целостности своей уникальной личности, возникновение которого происходит спонтанно и неожиданно, как узнавание своей сущности;

2) идентичность — это результат переживания и осознания своей принадлежности к конкретной социальной общности с помощью противопоставления существованию других общностей (Сапожникова, 2005).

Обобщая проанализированные выше теоретические подходы к определению социальной идентичности, мы можем прийти к выводу о том, что социальная идентичность представляет собой результат процесса идентификации, базирующегося на осознании своей принадлежности к крупным социальным общностям и противопоставления себя обобщенным «другим» и «чужим».

Социальная идентичность населения Казахстана уже становилась объектом социологических исследований, например в работе старшего научного сотрудника Института социально-экономического развития территорий РАН Молодова О.Б. — «Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана» (Молодов, 2014). В ней отмечается, что этническая идентичность в Казахстане пока превалирует над гражданской идентичностью, что проявляется, например, в электоральном поведении избирателей. Важным для нашей работы стал вывод о том, что внутри казахстанской идентичности существуют региональная и локальная идентичности. Для Казахстана «региональность» оказалась внутриэтнической характеристикой в большей степени, чем надэтнической, поскольку южане и северяне выделяются прежде всего среди казахов, а не представителей национальных меньшинств. Если «северяне» отличаются ориентацией на русскую и западную культуру, то «южане» тяготеют к ценностям исламского мира.

Вместе с тем в контексте исследования социальной идентичности достаточно редко изучению подвергались внешнеполитические ориентации, такие как близость или же наоборот дистанцирование населения стран Прикаспия друг от друга и от внешних политических акторов (Турция, коллективный Запад, Китай), что стало предметом исследования данной статьи.

МЕТОДОЛОГИЯ

В методологическом плане изучения социальной идентичности стоит прежде всего отметить, что вследствие того, что в науке нет единого понятия «идентичность», эмпирические исследования проводятся при помощи совершенно разнообразных приёмов и методов, начиная от свободных самоописаний и заканчивая клиническими личностными тестами (Гузенина, 2012).

Перспективным направлением исследования социальной идентичности представляется анализ социальных сетей. Миллионы людей используют сегодня социальные сети в качестве средств связи и источников данных в реальном времени, создают собственные профили и обмениваются данными с другими пользователями. К марту 2019 года только в Facebook* число активных пользователей достигло 2,38 миллиарда в месяц, а Twitter, который является сайтом социальных микроблогов,

используют 330 миллионов активных подписчиков в месяц. В России самой часто используемой сетью является Вконтакте ежемесячно пользуются свыше 38 миллионов россиян, а ежедневно – более 23 миллионов человек (Курносова, 2019).

Ввиду быстрого распространения социальных сетей не вызывает удивления интерес к ним как к объекту социальных исследований. В результате анализа социальных сетей предлагаются их разные классификации. К примеру, разделяют явные, эксплицитные социальные сети, имеющие прямые непосредственные связи между участниками, такие как Facebook², Twitter, MySpace, ВКонтакте, и неявные, имплицитные, где связи между участниками могут быть установлены только путем более глубокого анализа доступных данных, например, Amazon, Netflix (Alhajj, Rokne, 2018).

Исследование социальных сетей предоставляет возможности графической презентации количественных данных, которые часто включают изображение сети в виде точек (вершин или узлов графа), соединенных линиями (ребрами графа или дугами). Такое визуальное представление называется сетевым или социальным графом. Впервые термин «социальный граф» был использован в 2007 году основателем социальной сети Facebook* Марком Цукербергом для обозначения взаимодействия пользователей с другими пользователями, а также для представления их отношений и интересов. Существенное различие между обычной диаграммой и сетевым графом, изображающей сравнение результатов, заключается в том, что сетевой граф показывает не результаты статистики, а все еще первичные необработанные данные. Таким образом, осмысление сетевого графа следует отождествлять с этапом анализа данных, а не с этапом интерпретации количественных результатов (Yousefi-Nooraie et al, 2018).

Существенным показателем, характеризующим личностную идентичность индивида, являются конкретные социальные сети, которые он использует, и совокупность сообществ, в которых он состоит, а связи между этими сообществами можно рассматривать как отражение коллективной идентичности. Таким образом, построение графов может быть одним из способов визуализации анализа больших данных социальных сетей. Графы могут быть использованы в том числе и для наглядного изображения взаимосвязей как между сообществами, так и отдельными пользователями, а, соответственно, и для анализа идентичности.

В то же время, если анализ и визуализация больших данных являются новыми методами исследования социальной идентичности, в социологической практике часто продолжают обращаться к традиционным, в том числе опросным методикам.

В качестве эмпирического метода исследования в нашем исследовании были избраны фокусированные групповые интервью. Информантами в исследовании выступили студенты Астраханского государственного университета, являющиеся гражданами Республики Казахстан (РК) и проживающие на территориях приграничных областей Западного Казахстана: Атырауской и Мангистауской. Подробнее описывая характеристики участников исследования, стоит обратить внимание на возрастной состав – от 18 до 22 лет, распределение по полу – 40% мужчин и 60%

² Продукт Meta Platform Inc., деятельность которой запрещена в РФ

женщин, национальный состав - русские, казахи и метисы. Интервью были проведены в декабре 2022 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для определения представлений о дистанцированности/близости между странами Прикаспия во время проведения фокусированных групповых интервью было использовано несколько проективных методик. Так, в начале информантам были розданы листы бумаги с буквой «К» в середине, обозначающей Казахстан. Необходимо было символически изобразить такие страны как Россия, Туркменистан, Азербайджан, Турция, Китай и коллективный Запад. Если информанты полагали, что взаимосвязи и сотрудничество между странами интенсивное, то необходимо было нарисовать страну ближе к букве «К», если сотрудничество и связи слабые – дальше.

Полученные результаты в целом показывают, что Россия воспринимается участниками интервью как страна-партнер, с которой ведется активное взаимодействие, особенно в торговле. Во всех представленных рисунках РФ занимала место в первом-втором ряду по отдаленности от Казахстана. Стоит отметить, что также близки к Казахстану в представлениях информантов Китай (в большей степени) и Турция. Близость Китая прежде всего обуславливается значительными объемами сотрудничества в экономической сфере, Турции – торговлей и взаимодействием в сфере образования. Несколько дальше были изображены Туркменистан, Азербайджан и коллективный Запад. На вопрос в чем причина того, что Запад изображен дальше от Казахстана, информантами было сказано о том, что сейчас они не наблюдают большой помощи или активного взаимодействия с этим регионом, в качестве исключения была названа сфера образования.

Модератор: хорошо, Кирилл, у Вас как получилось?

Участник 3: Китай, Россия, потом Турция, потом Запад и остальное.

Модератор: ок, опять Запад дальше всего. У Вас почему дальше всего Запад?

Участник 3: ну я вот не вижу особо никакой помощи, я бы не сказал, что и товаров много у нас западных...

Модератор: хорошо. Так, значит ближе всего у вас Китай. Угу, а почему Китай ближе всего?

Участник 3: больше всего импорт идет со стороны Китая, так как они производят большую часть технологий и товаров для Казахстана.

Модератор: Угу, хорошо, Бейджан?

Участник 2: ближе всего Россия, потом уже Китай, Запад и Турции на одном уровне, потом Туркменистан и Азербайджан. Я так считаю.

Участник 1: Да, у меня все одинаково, такой как бы компас получился. Мне кажется, мы со всеми в хороших торгов- экономических отношениях... У нас практически все товары всех представителей в Казахстане продают, мы со всеми странами наравне дружим.

Участник 2: ну, у меня чуть-чуть Запад дальше всех наверное... Из Турции вот товары продаются... турецкие вещи, турецкая одежда, китайский ширпотреб раздается, западная техника у нас продается, потом все-таки лекарства западного характера очень много ввозят. И с Россией. Российские продукты у нас в-основном.

Участник 5: Да, Запад подалее, но в основном сейчас с нами тесно сотрудничает Турция, Россия, Китай, тем более сейчас, если так посмотреть даже Турция больше, особенно в образовании мы вот в последнее время хорошо взаимодействуем.

Следующей методикой для исследования внешнеполитических ориентаций стал табличный вопрос. Участникам необходимо было заполнить таблицу, в которой они отмечали характер отношений между Казахстаном и другими странами. Вариантами ответа стали дружественные, нейтральные, враждебные. Всеми участниками интервью отношения были охарактеризованы как дружественные. Мотивацией к этому послужили как позитивное взаимодействия в политической сфере, так и в экономике, помощь со стороны России Казахстану. Кроме того, интегрирующим фактором становится и большая российская диаспора, проживающая в РК.

Участник 2: с Россией? Ну это уже очевидно. Дружественные отношения, конечно.

Модератор: в чем это проявляется?

Участник 2: Ну не только из-за того, что президенты наши, что у них хорошие отношения, из-за того, что, например, почти треть населения в Казахстане - это русские. Потом казахстанцы тоже отправляются в Россию, чтобы учиться, получать знания. Как я уже ранее говорил, они помогают друг другу развиваться, например, развивают медицину, новые технологии.

Модератор: Хорошо, спасибо. Кирилл?

Участник 3: Россия дружественная, потому что Россия помогает Казахстану как товарами, так и технологиями. В плане медицины она очень сильно помогла Казахстану.

Модератор: хорошо, Ербол?

Участник 4: ну, все эти пункты, которые до этого сказаны.

Наконец, для изучения предмета исследования была использована еще одна методика – проективные рисунки. Информантам необходимо было изобразить все то, что они ассоциируют со страной. Необходимо отметить, что полученные ассоциации в целом отражают нейтрально-позитивное отношение опрошенных к РФ. Однако обращает на себя внимание, что во многих рисунках нашли отражение события мобилизации, которые в то же время не воспринимаются напрямую негативно, а вызывают у информантов сочувствие, жалость к людям, вынужденным покинуть Родину.

«Россия была оформлена в качестве основных ее элементов — это матрёшка, это балалайка, это солнце светит естественно. Но вот тут облака, немножко холодноватые.... В связи вот с этими последними событиями, только вот это».

«Я нарисовала Кремль как символ, потом вот тут дождик - ну здесь для народа России, все-таки мобилизация оказала своё влияние то, что многие ребята начали к нам приезжать сюда, да вот спасаясь от мобилизации поэтому. Ну и вот такой хоровод — это дружба, все наши народы все-таки дружат, несмотря ни на что».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, были исследованы внешнеполитические ориентации населения приграничных территорий Западного Казахстана. В целом стоит сказать, что с одной стороны, полученные результаты позволяют сделать осторожные оптимистичные выводы относительно проанализированных характеристик социальной

идентичности. Во внешнеполитических ориентациях участников исследования не было зафиксировано негативной по отношению к России составляющей. Информанты продолжают воспринимать РФ как страну-партнера, с которой налажено активное взаимодействие, прежде всего в сфере экономики. Для всех участников фокус групповых интервью Россия является самой близкой или одной из близких стран, с которой Казахстан сотрудничает во многих сферах. С другой стороны, стоит обратить внимание на несколько рискогенных моментов. Несмотря на то, что задачей исследования не было выяснение отношения опрашиваемых к СВО, что является очень сенситивным вопросом для исследования с большими рисками получения ненадежной информации, были зафиксированы косвенные признаки того, что данные события не находят поддержки у информантов. Это уже создало определенные имиджевые потери для России (нестабильность, внутренние противоречия, бегство части населения), и имеет потенциал ухудшить восприятие страны в дальнейшем. Кроме того, среди иных, потенциально соперничающих с РФ на территории Прикаспия внешнеполитических акторов, следует отметить Турцию. Имидж ее политики достаточно позитивный, эта страна так же входит в круг близких для информантов стран. Это создает благоприятную почву для распространения в РК выгодных для турецкой стороны идеологических конструкций, в том числе пантюркизма.

В заключении хотелось бы отметить некоторые ограничения проведенного исследования. Собранным нами данным, как и для любой информации, полученной при помощи качественных методов исследования, свойственна ограниченная репрезентативность. Для ее распространения на большие генеральные совокупности (например, на большинство населения приграничных территорий Западного Казахстана) необходимо ее подтверждение количественными данными. Таким образом, полученные выводы следует рассматривать в большей степени как основу для гипотез и фиксации общих трендов развития ситуации. В то же время, несмотря на данные ограничения, полученная информация дает пищу для размышлений специалистам в области международных отношений и является отправной точкой для дальнейших исследований как социальной идентичности населения Западного Казахстана, так и широкой прикаспийской тематики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Alhajj, R., Rokne, J. (2018). *Encyclopedia of Social Network Analysis and Mining. Second Edition*. New York: Springer, 412 p.
- Tajfel, H. (1972). Social categorization. *Introduction à la psychologie sociale Paris, 1*, 272-302.
- Turner, J.C. (1985). Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior. *Advances in group processes: Theory and research, 2*, 77–122.
- Yousefi-Nooraie, R., Sale, J.E.M., Marin, A. & Ross, L.E. (2018). Social Network Analysis: An Example of Fusion Between Quantitative and Qualitative Methods. *Journal of Mixed Methods Research, 14*(3), 27. <https://doi.org/10.1177/1558689818804060>

- Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум, 323 с.
- Гузенина, С.В. (2012). Культурная самобытность в фокусе современных научных исследований. *Аналитика культурологии*, 24, 103-112.
- Дюркгейм, Э. (1996). *О разделении общественного труда*. М.: Канон. 432 с.
- Кули, Ч. Х. (2000). *Человеческая природа и социальный порядок*. М.: Идея-Пресс, 320 с.
- Курносова, Е. (2019). Социальные сети в цифрах. Получено из: https://mediascope.net/upload/iblock/f97/18.04.2019_Mediascope_Екатерина%20Курносова_РИФ+КИБ%202019.pdf
- Мид, Дж. (1994). Интернализированные другие и самость. *Американская социологическая мысль*. М.: Изд-во МГУ, 496 с.
- Молодов, О.Б. (2014). Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана. *Социум и власть*, 6(50), 95-102.
- Русских, Л.В. (2013). Идентичность: культурная, этническая, национальная. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, 2, 173-179.
- Рыбаков, С.Е. (2013). Этничность и этнос. *Этнографическое обозрение*, 3, 20-27.
- Сапожникова, Р.Б. (2005). Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания. *Вестник ТГПУ. Серия: Психология*, 1(45), 13-17.
- Эрикссон, Э. (2006). *Идентичность: юность и кризис*. М.: Флинта; Прогресс, 341 с.

Для цитирования: Григорьев, А.В. (2023). Внешнеполитические ориентации населения приграничных территорий Западного Казахстана в контексте безопасности Прикаспия. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 3(1), 39-49.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_39

REFERENCES

- Alhajj, R., Rokne, J. (2018). *Encyclopedia of Social Network Analysis and Mining. second edition*. New York: Springer, 412 p.
- Tajfel, H. (1972). social categorization. *Introduction à la psychologie sociale Paris*, 1, 272-302.
- Turner, J.C. (1985). Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior. *Advances in group processes: Theory and research*, 2, 77-122.
- Yousefi-Nooraie, R., Sale, J.E.M., Marin, A. & Ross, L.E. (2018). Social Network Analysis: An Example of Fusion Between Quantitative and Qualitative Methods. *Journal of Mixed Methods Research*, 14(3), 27. <https://doi.org/10.1177/1558689818804060>

- Berger, P., Lukman, T. (1995). *Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge*. Moscow: Medium, 323 p. (in Russian)
- Guzenina, S.V. (2012). Cultural identity in the focus of modern scientific research. *Analytics of Cultural Studies*, 24, 103-112. (in Russian)
- Durkheim, E. (1996). *On the division of social labor*. Moscow: Canon. 432 p. (in Russian)
- Cooley, C. H. (2000). *Human nature and social order*. Moscow: Idea-Press, 320 p. (in Russian)
- Kurnosova, E. (2019). *Social networks in numbers*. Retrieved from: https://mediascope.net/upload/iblock/f97/18.04.2019_Mediascope_Ekaterina%20Kurnosova_RIF+KIB%202019.pdf (in Russian)
- Meade, J. (1994). Internalized Others and the Self. *American Sociological Thought*. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 496 p. (in Russian)
- Molodov, O.B. (2014). Problems of identification of the population of Kazakhstan and Kyrgyzstan. *Society and power*, 6(50), 95-102. (in Russian)
- Russian, L.V. (2013). Identity: cultural, ethnic, national. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences*, 2, 173-179. (in Russian)
- Rybakov, S.E. (2013). Ethnicity and ethnos. *Ethnographic Review*, 3, 20-27. (in Russian)
- Sapozhnikova, R.B. (2005). Analysis of the concept of "identity": theoretical and methodological foundations. *Bulletin of TSPU. Series: Psychology*, 1(45), 13-17. (in Russian)
- Erickson, E. (2006). *Identity: youth and crisis*. Moscow: Flinta; Progress, 341 p. (in Russian)

For citation: Grigorev, A.V. (2023). Foreign Policy Orientations of the Population of the Western Kazakhstan Border Territories in the Context of the Caspian Region Security. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 3(1), 39-49.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_39